

Василий Духофф

РУСЬ ПРОБУЖДАЕТСЯ ВО МРАКЕ

Или Вторжение 88!

Национал-патриотический рассказ

"Тот, кто становится зверем, избавляется от боли быть человеком..."
Доктор Джонсон

Дружкам-пьянчужкам и прочим интеллигентным людям в лице Юры (Бая), Евгения (Джона), Александра (Аза), Эдуарда (Спартача), Егора (Бешеного), Дмитрия (Витязя), Тимура (Пахана), Серёги (Лыжника), автор посвящает эти трагические строки.

Часть 1.

О ТОМ, КАК ВСЕМ НАСТАЛ HAPPY END

Как-то раз после обильной попойки, Джон, возвращался к себе домой, минуя проспект, через лес. День неумолимо подходил к закату. Нервная и спешная городская жизнь, тихо гасла, разбиваясь о темнеющий на глазах пыльный асфальт. Вдали, за синькой рельефного небосклона, один за другом зажигались электрические фонари, орошая своим мутным свечением скрюченные переулки и глухие подъезды богом забытых трущоб. Город безмолвно засыпал, отдавая, пышущий жаром страстей огонь, мягкой, бархатистой темноте, которая душно окутывала убогий антураж и фигуры случайных пешеходов, подобно ядовитому дымку заводских труб. Тихий шорох невидимых деревьев во мраке, вялый мат бомжей, переругивающихся из-за последней пустой бутылки, скрип подъезжающей иномарки, сочная попсовая полифония, твёрдо устоявшийся в воздухе запах табака — как всё это свойственно провинциальным городкам в летнее время! Как всё это наводит на безмятежность и желание отдыха! Просто хочется погрузиться в новую флору, забыть о всех страстях и проблемах, войти в волшебный прохладный мир темноты мусорного бака.

Женя, вышел из леса, и не обращая внимание на призывный вой голодных волков в чаще, отправился мимо белеющих тут и там, жилых коробок, дальше, к дому. Грубая, неотёсанная, молодёжь, обильно населявшая данный район и запатентовавшая себя как криминально — воровская, по определению самого Жени — “быковатая”, недружелюбно поглядывала на проходящего мимо уверенными шагами крепкого, бритого под ноль, парня в наглухо застёгнутом чёрном бомбере и высоких тяжёлых “гадах”, фирмы “Bulldog”. Тем не менее, гопы хотя и перешёптывались между собой при виде Джона, но становить его не решались, слишком уж грозен был вид новоявленного патриота! Джон знал об этом, но не кичился, никогда не знаешь что у гопников на уме. Прошлой зимой его остановили двое быков в переходе на “спортивной”. Оба были явно пьяны, слишком явственно сотрясал воздух запах перегара. Один попросил закурить, но получив отрицательный ответ не угомонился и спросил не водиться ли у Жени “мелочишка” или червонец. Джон не хотел привлекать к себе внимания и сделал было попытку развернуться и уйти, но гопники ринулись за ним, матерясь и угрожая. Милиции рядом не было, народу тоже вокруг совсем мало, всё таки в зимний морозный ветер мало кто захочет ходить по подземному переходу... Первый гоп ещё что-то говорил, когда тяжёлый кулак Джона врезался ему в переносицу, кровь алым потоком брызнула на каменную, заиндевевшую стену и сразу же замёрзла сотней рубиновых кристалликов. Гопник свалился на землю как подкошенный, Женя не долго думая врезал ему грином “под дых”. Это оказалось лишним. В переходе гоп обрёл свою гибель. Второй перетрусил и кинулся наутёк, Джон настиг его уже на трамвайной остановке. Тот, дико крикнул и кинулся под трамвай.. Платформу залила кровь, подобно гигантской грязной луже в яркий мартовский день. Завизжали торговки семечками, до того боязливо дрогнувшие в сторонке. Вот и связывайся после этого с гопниками. Только лишний грех на душу брать!

Джон продвигался всё дальше и дальше по великолепно раскинувшимся вокруг каменным джунглям. На скамейках тут и там сидели представители шпаны, старушки и мирно улыбающиеся алкаши. Кто-то со смехом послал в темноту матом, упоминая неизвестного Серёгу. Завязалась громкая пьяная потасовка. Запах табака обильно переходил в смрадный пивной мускус. На площадке перед одним из домов играли запоздалые дети, их мать, дородная женщина с кривым лицом, зычно звала с окна четвёртого этажа, но никто не обращал ни малейшего внимания на её призывы. Крик женщины обильно разбавлялся отборным матом и в сочетании обретал непревзойдённые дорические формы.

Неожиданно на небольшом расстоянии от себя, Джон краем глаза заметил некое движение, словно тьма стусилась настолько, что обрела вполне осязаемую материальную форму. Джон пригляделся и вдруг явственно разглядел двух небольших ребят, лет 17-18 в светло-синих широких штанах и длинных оранжевых фуфайках. Казалось природа замерла. Птицы перестали петь, гопники замолчали в своих нецензурных упражнениях, заткнулись и старушки, напропалую матерящие новый режим. Казалось, даже сигаретный дым замер в пространстве, медленно рассеиваясь на манер тумана в серо-прозрачном воздухе. Слово в картинах Рембрандта Ван Рейна, композиция сосредоточилась в самом центре, оставив на втором плане все ненужные детали. Появились вполне осознанные главные герои, а прочая природа, явилась в виде декораций, разбавляющих своей

насыщенностью и придающих излишнюю стильность привычным формам. Осталось лишь загадкой, был ли позитив в данной ситуации?

Нарушил молчание Джон:

— Эй обезьянки, чего тут делаем?

Реперы оживились, один из них, видимо более младший, неуверенно, но явно пытаясь подражать оптимистическому диалекту современной продвинутой молодёжи, произнёс:

— Ну... мы здесь .. типа.. тусуемся, отдыхаем, догоняешь да?

Джон в два счёта пересек расстояние между ним и реперами и схватив младшего за фуфайку, прокричал ему в ухо:

— Отдыхаете?! В моргу будешь отдыхать, понял!!!! Идите в свою Африку и тусуйтесь там!! А здесь Россия, Россия, мать твою! Ты....

Джон не договорив, изо всех сил врезал реперу в лицо стальным кулаком с такой силой, что у того повернулась набок челюсть. Репер замычал и сделал попытку упасть на землю, но Джон придержав его за шиворот ещё два или три раза мощно ударил по голове с громким треском. Тот обмяк и похоже потерял сознание. Закончив расправу, Джон обнаружил, что второго парня в трубах и след простыл. Агрессор выругался. Плюнул и хотел было идти дальше, как внезапно услышал надвигающийся шум. Из ближайшей подворотни вытекла крупная куча реперов, вместе с ним шёл и сбежавший парнишка, на ходу он пытался обрисовать ситуацию друзьям, те с пониманием качали головами. Джон понял, что нешуточно вляпался. Но ничего — подумал он — будем воевать! В конце концов я скинхэд, а значит должен ежеминутно доказывать свою принадлежность к движению, как говорится назвался груздем — полезай в кузов! Толпа медленно надвигалась на Джона, несколько особенно ненасытных реперов первыми вышли в бой с пафосным криком:

— Слышь, придурок, сейчас будем разбираться!!

Это оказалось их роковой ошибкой, Джон с ненавистью ударил одного из них титановым носком грин в живот, репер извиваясь от жуткой боли и корчась повалился на асфальт.

— Аррррррххххх!! Ффффффф!!

Ещё двое были отброшены в сторону твёрдыми как гранит локтями Джона. Пацаны хватались за головы. Одному такшибануло, что он отлетев, впечатался головой в массивный замок, находившегося поблизости серебристого гаража. Следующего Джон сшиб с ног своей любимой зуботычиной, прямой удар по зубам великолепно разбил реперу верхнюю челюсть, вышибив пару зубов.

— Ммммм — замычал парнишка, выплёвывая редкие зубы из окровавленного рта.

Какие-то двое слишком самодельных репера, попытались обехать Джона и схватить его сзади, но не тут то было! Женя нагнулся и с колоссальной силой бросил одного из них, прямо через спину на асфальт, бедолага с глухим стуком ударился головой о мостовую и, раскинув руки, то ли заорал, то ли заревел, размазывая по лицу кровь из разбитой головы вперемежку со слезами. Второго Джон, предварительно нагнув, принялся жёстко гвоздить по голове и лицу коленом, приговаривая, строчки из любимой песни:

— Запомните суки у нас на Руси, базарьте по-нашему, чёрные скоты!

Репер залился кровью и захрипел, видно удар пришёлся ему точно по горлу.

Хотя вокруг валялось невероятно много скрюченных и изуродованных реперов, с пробитыми головами, толпа далеко не уменьшалась, видать, недалеко проходила специфическая тусовка, сопровождаемая звуками там-тама и монотонного хоперного ритма. На таких тусовках обычно собираются малолетние поклонники чёрных ритмов и дёргаются в такт отвратительного фона, ассоциируемого с применением ганжа. Все обкурены, пьяны, либо дрыгаются внутри какого-нибудь клуба, либо кучей стоят на улице, смоля одну сигаретку на десятерых. Здесь ведутся светские разговоры, по интеллектуальному содержанию напоминающих беседы приматов при ясной луне, типа:

— Да что вы!? Какое же духовное воспитание!? Абсолютная деградация, АБ-СО-ЛЮТ-НАЯ, подчёркиваю. Никаких книжек, только ганж и пиво, элементарно. Да... И никаких вам бабок с их чёртовыми юрьевыми днями!

Или:

— Да какой Чехов?! Упаси бог!! Только полное отупение! Из музыки лишь Боб Марли и ШЕФ, Дэкл тоже ничего, но только не рок-н-ролл! Это же отвратительно! Ударные инструменты! Тьфу!

Женя начинал уставать. Кто уже успел съездить ему по лицу кулаком, и на жёсткой щеке парня запеклась тёмными разводами кровь. Джону становилось всё труднее и труднее, кольцо всё сильнее обволакивало его, всё мощнее напирало со всех сторон трубы и оранжевые толстовки. Его несколько раз ударили по лицу, он ответил быстрой зуботычиной, впрочем, не вполне удавшейся, в чьё-то ближайшее свиное рыло.

— Сволочь! — запицало рыло (значит, зуботычина удалась).

Вскоре, всё начинало казаться неважным и иллюзорным, напиравшие всюду реперы стали ассоциироваться с бутафорией, да и окружающая реальность потихоньку съезжала на уровень зеро.словно кто-то откинул кулисы и показал все эти леса, галерки, лестницы, что прячет в себе за роскошной сценой любой театр. Кружилась голова, Джон из последних сил саданул следующего репера и упал без сил. Над его телом уже полностью сомкнулось кольцо смерти. Били преимущественно кедами, кроссовками, недоразвитыми кулаками. Джон практически не ощущал ударов, его сознание ушло в себя, оставив на поверхности лишь маску обречённости и покорства. Лишь покой и умиротворение, освобождение от жизненных проблем может дать настоящую свободу для взлёта свободной мысли. Именно отказ от желаний, потребностей, позиций — избавит мир от вечных страданий — так сказали веды, так говорил Джон, погружаясь в сладкое небытие. Но тут его воспалённый мозг изрёк новую истину, запатентованную ещё в древнем Риме, когда когорты рвались в бой не

щадя ни сил ни жизни, ради великой победы, великого будущего. Я Жив! Джон, понял, что сдаться, уйти в нирвану, бросить всё на самотёк, предел трусов и балбесов! Я должен победить!

С этими словами Джон вырвался из круга избивавших его реперов, чудом встал на ноги. Лёгким движением отбросил назад к гаражам кучку раскрашенных чуваков, загораживающих ему дорогу, бросился в сторону спасительного проспекта. Кто-то схватил его сзади за плечо одной рукой, а второй врезал по темени чем-то тяжёлым, от чего в глазах у Джона поплыли радужные пятна. Он оглянулся, выхватил на ходу из внутреннего кармана бомбера заточку и полоснул по лицу ударившего его репера. Раз! Ещё раз! Тот взвыл и прикрыл кровоточащее лицо рукавом. На заточке остались следы крови. Женя бежал дальше, один репер преградил ему дорогу. Джон подпрыгнул и врезался подошвой гринга ему в грудь, грудина с храпом треснула, репер ойкнул и повалился на землю, расплещивая изо рта фонтанчик крови. Джон бежал, но ноги не слушались его. Уже слышны были марши победы, уже гремел в ушах гимн “Russland, erwache” (“Германия, пробудись”), уже кричали во весь голос имперские орлы, но ноги подкосились и герой рухнул вниз, тьма застлала его глаза и он уже больше не слышал монотонных криков реперов, ни чувствовал болезненных ударов кед и даже ни ощутил как один из реперов, подобрал с асфальта брошенную им же заточку, вонзил ему в спину...

А дальше был дождливый день, похороны, чавкающая грязь под ногами, истеричный плач матери, тихий успокаивающий голос священника, капли холодного дождя на бомберах, и самое главное — гроб, подобный огромной тёмной птице, сложившей крылья и направившей полёт в своё последнее пристанище. После похорон лидер скинхэд — уфимской скнихэд — группировки, Бай, собрал всех близких друзей погибшего на небольшое собрание. Среди бомберов и бритых голов часто мелькали косухи, длинные чёрные хайры, красные футболки. Это говорило о чрезвычайно широких взглядах Джона. Среди друзей оказалось немало металлистов, рокеров и даже молодых людей с весьма левыми взглядами, они молча сидели в сторонке с некоторым страхом наблюдая за резкими движениями бритоголовой братии, возившихся с огромным транспарантом, на котором был нарисован гигантский ботинок, ударяющий в голову некрасивого представителя кавказской национальности с тёмной кудрявой шевелюрой. На лице кавказца отражался дикий страх, а из места раны на лице, нанесённой ударом, активно хлестала кровь. В правом верхнем углу незаметно приютилась эмблема “kolovrot”, языческая свастика со стрелками на окончаниях спиц. Картину завершала надпись “Каждой аре по харе”.

В полуподвальном помещении было крайне душно. Воздух пропитался запахом тухлых яиц и манной каши. Убраться толком никто не успел, всюду валялись банановые шкурки, огрызки яблок, пивные бутылки и колбасные окурки. От стен воняло чесноком. Присутствовало огромное количество всевозможных плакатов, на столе возвышалась куча листовок “Белое сопротивление”, и свежие номера журнала “Русский удар”.

— Тьфу ты блин — подумал Мицик, известный в неформальных кругах представитель панк-движения, близкий друг Джона — как всё изуродовали!

Он сидел, притулясь плечом о горячую трубу отопления и мрачно размышлял о роли России в мировой истории, изредка взглядывая в лежащий на коленях раскрытый журнал “Под ноль” с узлом в виде топорика на обложке. Иногда, когда положение России становилось совсем безвыходным, загоразивалось огромной рожей, смутно напоминающей внешность Гайдара, на глаза панка наворачивались слёзы, и тогда Мицик, доставал из своих трикотажных клешей огромный носовой платок с лозунгом “punks not dead” чёрным по белому, оглушительно сморкался.

— Нельзя ли потише, молодой человек — раздражённо обернулся к нему небольшой металлиг по имени Мегадед, весь с ног до головы в чёрной коже с заклёпками и шикарными хайрами до плеч.

Мицик ничего не ответив, почесал свой зелёный ирокез, откашлялся и вдруг выхватил из-под косухи остро отточенный топор!

Теперь тихо? — спросил он, злорадно усмехаясь и поигрывая лезвием возле лица Мегадеда.

Мегадед грустно отвернулся. Он не любил связываться с панками, слишком непредсказуемы были порой их действия по отношению к обществу. В его сознании ещё не стерлось воспоминание, когда один такой индивид, нанюхавшись эфира, колошматил детскими санками по головам прохожих.

Открыл конференцию, конечно же Бай, он много распространялся о положительных качествах усопшего, о его патриотизме, веры в лучшее, высокой самоотдачи, преданности присяге и т.д. и т.п. Завершил свою речь словами:

— Все мы весьма сожалеем об этой колоссальной утрате. Вместе с ним умрёт частичка того огромного, непоколебимого чувства долга, долга сражаться с иноземными захватчиками. Но Джон доказал своей верой, что воля и разум победят в великой войне и правда восторжествует в любом случае! Теперь наша задача на повестке дня отомстить за героя, как поётся в известной песне Димы Волкова “Твой черёд пришёл умереть, мой черед пришёл отомстить”! Слава России!! Мы победим!

После Бая, выступил лучший друг погибшего — Аз. Он был как всегда пьян: тяжело переживая утрату, парень активно употреблял алкогольные напитки, дабы заглушить боль потери. Санёк долго что-то говорил, а потом у него вдруг пересохло в горле, он замолчал, неожиданно зарыдал и крикнул:

— Я убью их! Убью! Они заплатят за это!

Впрочем, кого именно он убьёт, и кто заплатит бедный Санёк так и не удосужился уточнить. Потом Аз, не в силах более говорить, спросил у аудитории:

— А перерыв будет?

— Будет, Саня, Будет!

Рыдающего Аза увели в сторону соратники. Бай поднял руку в нацистском приветствии:

— Зиг Хайль, братья! Теперь попросу остаться в зале только членов нашего, так сказать, движения!

Металлюги под ручку с коммунагами пулей выскочили из зала, активно трясая хайрами в ритм песни группы “NO REMORSE”, несущейся мощным потоком из динамика колонок. В зале остались лишь skins. Все были молчаливы и выжидающе смотрели на Бая, который требуя тишины, то и дело поднимал кверху руки. Когда стало совсем тихо, он, помолчав, произнёс:

— Ребята, я сказал что мы должны осуществить акт возмездия, но как известно нельзя приступать к делу без чётко намеченного плана. В наших полномочиях, узнать в деталях кто совершил этот клятвоотступнический поступок и уничтожить в корне звериное ложе. План таков: двое наших парней (лучшие кандидаты Аз со Спартачом) переоденутся в штатское, съезжают на место преступления и как следует разузнают “что да как”, вполне возможно удастся раскопать интересные подробности. Понимаю, конечно, менты в том районе здорово повозились, все косточки пересчитали, но кое что должно определённо перепасть и нам. Всё.

Аз начал было неуверенно возражать:

— Но почему я..?

— Не спорь с начальством! В конце концов погиб твой соратник, и думаю разлогольство здесь совершенно не к месту! Возьми Эдуарда и чтобы завтра как штык был на месте!

Санёк снова попытался возразить, но увидев бесцеремонный, суровый, пробирающий до мозга костей грозный взгляд Бая, мигом заткнулся и что-то бормоча себе под нос повернулся спиной.

Поиски не дали нужных результатов. На расспросы практически все отвечали однозначными аргументами, типа, “не знаем”, “не видели” и т.п. белиберду. Хотя skins и оделись так чтобы привлекать как можно меньше внимания, народ с подозрением косился на двух бритых парней мощного телосложения, с ног до головы одетых в чёрное. Эдик — Спартач, парнишка среднего роста, со взглядом людоеда и мощными бицепсами, выпирающими из-под рукавов, надел потёртую кожаную куртку в обтяжку, вечные светло-синие джинсы, старые совдеповские берцы. Аз облачился в лёгкий клубный бомбер и кованые невысокие “гады” английского производства. Они, долго ходили, расспрашивали народ, вяло переругивались с алкашами. Один из представителей гоповской страты, оказался необычно разговорчивым и пролил немного света на произошедшее. Оказалось, что реперы замочившие Джона, довольно часто до инцидента появлялись в этих краях. Сидели на скамейках, пили пиво, иногда даже пахивало “травой”.

— Мы сами их давно хотели ушатать, да всё руки не доходили — доверчиво признался гопник.

— А хоть примерно догадываетесь кто такие? Где вращаются? Чем дышат?

— Х.. знает, я с такими братками особенно не вожусь.

Больше ничего интересного из гопа выкачать не удалось и раздосадованные skins собрались было домой. Шли через центральный рынок, покуривая “приму” и переговариваясь:

— Не, Эдик, в натуре маргышки распоясались, прикинь кожа, блин, средь бела дня копытом в грудь, да в Москве за это дело...

— Со столицей не сравнивай, у нас тут эти полупидарки, суки, шастают, и с них всё как с гуся вода. Провинция, народ не теми идеями интересуется.

— А Женя я прямо скажу мужик был! Один прикол случился на гостинке с двумя негрожопыми, я рассказывал может быть?

— Не, не хрена! Ну ка приколи.

— Ну и вот, короче, идём мы с Джоном, вот прямо как мы с тобой, оба в штатском, точнее в удотском. Идём по ГД, смотрим трепьё, а прямо на нас двое чернокожих лезут, а с ними девка одна с нашего района, она в аспирантуре вроде учиться, и прикинь, да, одного из чёрных под ручку держит. Я само собой озверел, Джону на ухо шепчу всю тему, а он мне тоже шепчет, типа, сейчас со второго круга их сделаем. Я говорю не, тут ментов до хрена да и глаз лишних полно. Но Джон всё своё чешет. Ну ладно, прошли второй круг, смотрим, а негры на выход собираются. Женя (пусть земля ему пухом будет) куртку снимает, а там футболка “kolovrot — Россия” и свастика на груди. Нигеры выходят чинно так, а Джон сзади налетает и тресь! тресь! В общем, опрокинул первого, и второго начал заламывать. Я за ним, на ходу бабочку открыл, ткнул по разу обоим и сматываемся!!

— А менты как же?

— Не фига, никто даже пальцем не пошевелил! Трёп конечно был, но на том дело и кончилось. Черномазые, главное, выжили, суки, одному вообще в лёгкую досталось, второй в больнице...

— Дааа. Лихо.

— А ты ещё спрашиваешь! Белая сила!

Внезапно в поле зрения ребят появился знакомый скинхэд, по кличке Бобёр — здоровенный бритоголовый детина в бомбере, цвета “мокрый асфальт” и начищенных вишнёвых гриндерах с белыми шнурками.

— О, Бобёр, зиг хайль! Как жизнь?

Друзья по очереди обнялись.

— Всё путём. Иду в магазин чего-нибудь пожрать купить, а вы чё тут?

— Да... После акции.

— Интересно кого громили? Опять чеховских?

— Не — уклончиво сказал Спартач — никого не валили, просто кое что разведать нужно было. Типа, обезьян пресануть собираемся. Они суки, нашего завалили.

— Наслышан. Весьма соболезную. Джон был настоящим скином!

Так, общаясь между собой, skins почти что дошли до самого рынка. Погода являла собой квинтэссенцию летнего слепящего солнца с противной сухостью холодного воздуха. Было очень пыльно. К тротуарам жались страстно воркующие голуби, на них то и дело с матом натыкались озверевшие от холода бомжи. Сильно пахло то

ли скисшим пивом, то ли гнилыми арбузными корками. Всюду сновала разношёрстная публика. Бобёр налетел на бабку средних лет и выругался себе под нос. Внезапно в поле зрения ребят оказался небольшой деревянный прилавок, высоко гружённый подмёрзшими апельсинами, весёленького оранжевого окраса. Рядом с прилавком, в позе курортника, стоял приземистый кавказец с зернистым лицом и зычно орал, при каждом слове меняя позу:

— Кому апэльсины, подходы, подходы, дэшово отдаю!

Прилавок и кавказец находились почти вровень с подземным переходом, так что выходящие “на свет божий люди” сразу натывались на эту, по выражению Бобра, “заокеанскую тварь с её грёбаным диалектом”.

Скины притормозили.

— Ты с ума сошёл, в обезьянник заберут — зашептал тревожным голосом Эдик, быстро угадав по решительным движениям, намерения друзей. Но было поздно. Аз с Бобром уже осознали ситуацию и были готовы к борьбе. За несколько коротких секунд, чёткий план наступления ясным потоком открылся в сознании обоих. Было поздно отступать.

— Постой здесь, следи чтобы глаз не было — коротко распорядился, на хоту Аз, и бросив Спартача, с виноватым лицом стоять у перехода, быстрыми шагами направился к лотку.

Сделав вид, что хочет проскочить мимо кавказца, он вдруг неожиданно резко ударил того плечом в грудь. От внезапности порыва тот отлетел назад, поперхнувшись на полуслове, попытался удержаться рукой за край прилавка. Лоток обрушился на асфальт, апельсины шумным потоком рассыпались прямо под ноги прохожих. Пробегая мимо мальчишка бросился было собирать плоды, но осознав ситуацию кинулся наутёк. Кавказец вскочил и матерясь пошёл в сторону Аза, явно с грозными намерениями, но внезапно получил сокрушительный удар сбоку по голове от миглом налетевшего Бобра!

— С хрена ли приехал сюда, говнюк?! — гримаса ярости отразилась на его мрачном лице.

Кавказец испуганно обернулся и Бобёр изо всех сил врезал ему тяжёлым, как гирия кулаком, в небритую рожу. Кавказец отлетел далеко назад, и запнувшись о чью-то не вовремя выставленную сумку, грохнулся на землю. Аз с разбегу заехал ему ногой в пасть! “Хачик” жутко завыл и свернулся в бублик, закрыв голову руками. На него сразу же обрушались вишнёвые гриньы Бобра. Кавказец дрыгался из стороны в сторону, расплёскивая ртом пену розовой слюны и вопил:

— Нэ надо! Нэт!

Он силился уползти в сторону, под защиту небольшого навеса, установленного для газетного кисока, но его хватили за ноги и со всей силы плющили сверху вниз тяжёлыми платформами ботинок. Бобёр пытался поддеть его по роже тупым пыром гриньа. Иногда ему это удавалось, и на побитом носу ботинка оставались сочные следы крови. Кавказец шлёпал окровавленными ладонями по асфальту, оставляя яркие отпечатки в пыли, среди гадкого винегрета. Сползшая матерчатая куртка обнажала грязную бурюю полосу кожи на спине, изо рта тянулась красными разводами слюна. Аз недолго думая зацепил его ботинком под рёбра. От жуткого жжения тот завыл ещё пуще.

— Нэт! Нэт! — кричал он плача, норовя ухватиться за край бомбера Бобра, но тут же схлопотал прямым ударом в череп, от чего тело как то неестественно дернулось набок.

Невдалеке заорала не своим голосом какая-то старушка

— Ой, мамочки, средь бела дня распоясались!

Двое мужиков приостановились, сердобольно щуря глаза и вздыхая. Народ резко пребывал и кто-то уже пытался донести до ушей скинов решительный протест, перекрываемый звуками ударов. Аз не скупясь мочил “лицо кавказской национальности” своими кованными берцами по башке и грудной клетке:

— На, чёрная скотина, получи! Получи! На! На!

По асфальту густо растеклась тёмная ярко-красная густая жижа. Народ всё прибывал. Кавказец орал, закрываясь от смертоносной агрессии, но всех сторон его поражали тяжёлые удары скиновских ботинок. Бобёр буквально топтал его, с прыжка обрушиваясь на голову гриндерами. Подбежал Спартач:

— Мужики, смываемся, менты лезут!

Скины нанесли по последнему звучному удару по башне, обрамленной кучей окровавленных вихров и бросились по направлению к спасительным дворам. Кавказец уже не кричал и не пытался закрыть голову руками, а лишь хлюпал разбитым ртом, вытянув перед собой руки, точно девушка с веслом. Всё вокруг было забрызгано кровью. Далеко позади в гуще народа ярко вырисовывались два милицейских кителя. Нужно было торопиться.

— Вот сюда, быстрее! Срежем путь!

Друзья уже ворвались в дворовую зону, рынок и толпа народа, неумолимо раскинувшаяся близ перехода всё ещё напоминала о себе шумной перебранкой, сливающейся в поток единых слов. Словно бы громадный пчелиный рой угрожающе шумит, но не решается к активным мерам и кружит вокруг жертвы, превращая её нервы в холодный сгусток адреналина. В воздухе пахло гарью, или это просто работало воображение ребят, не важно, главное военная атмосфера в это мгновение вошла в кровь каждого из участников. Обычное ощущение после акции: опьянённый успехом победитель, понимает, что дело далеко не завершено и нужно с блеском покинуть сцену, не испортив впечатления зрителям. Именно в такой момент важно не оступиться и не потерять лица. Это знает каждый, но зачастую поскользывается на ровном месте.

Скины неслись по полупустынному двору, потом резко свернули в переулок, выбежали на небольшую улочку, тянущуюся вдоль приличных новостроек. Кровь стучала в голове. Что-то едкое обжигало горло при каждом движении. Казалось ещё чуть-чуть и сердце вырвется из грудной клетки, и вместе с горячим фонтаном крови, и пенящимися слюнями, освободит организм от нестерпимого груза. Тяжёлые ботинки равномерно стучали по асфальту, напоминая стук копыт заокеанских бизонов, бегущих на водопой. Редко попадающиеся на пути попутчики удивлённо вскидывали головы, некоторые даже останавливались и лицезрели столь не совсем

обычное зрелище. Многие провожали бегущих удивлёнными взглядами. Потертый жизнью мужичок в панаме даже что-то крикнул скинам, но останавливаться не было времени, сейчас главной задачей стояло оторваться от преследовавших по пятам длинных рук закона.

— Совсем чуть-чуть ещё... Ща остановка будет. — на ходу прохрипел Спартач, и его голос сразу потонул в чьей-то расвирепевшей сигнализации.

Остановка действительно оказалась недалеко. Даже больше. К небольшому асфальтному пятачку, с уныло ожидавшими пятью или шестью местными аборигенами, подъехала маршрутка, светло-голубого цвета, с весёленьки раскрасками на боках.

— Залазим!

Скины сгрудились возле входа, толкая друг друга и матерясь. Боялись что не хватит места. Но мест слава богу хватило. Аз громко ворчал, на Бобра, который своей гигантской тушей занял почти два сиденья, а машина уже отъехала от остановки, легко набирая обороты скорости.

— Вот блин! Словно заново родился! — воскликнул Аз, кое как отдышавшись

— Я давно уловил что в деятельности правоохранительных органов никакой на хрен логики не присутствует — перебил Бобёр — вот допустим, идёшь по городу, во всей красе, бомбер с нашивками, гриндера, камуфляж подвёрнут, ну башка, само собой под ноль... Народ пялится, а ментам хоть бы хрен, словно не замечают. Я вот однажды, за хлебом выскочил, напялил старую кожанку. Едрён батон! Мимо стакана проходил, тормознули, суки. Базарили минут двадцать, потом послали, дескать иди себе, фашня! У этих ищеек нюх на кожанки и бритые бошки.

— Не скажи — буркнул Спартач — меня, помню, в клубе на одной тусне, типа 7TEEN колбасил, а меня в забрали. В начале подвалили, “дескать засучи рукава”, а у меня на руке браслет “WHITE POWER”. Они меня спрашивают, “типа, это что за шняга”. А я, с дуру “ну команда такая московская, стрит-панк рубят.” Ну само собой потащили. Спрашивали про какой-то погром на почве футбола, якобы наши скины мочили северных болельщиков и всё такое, типа. А мне то что? Я даже футболом то не интересуюсь. Уроды, блин. Из-за них весь концерт к чёрту пропустил, к самому финалу отпустили.

— Ну они тоже разные бывают — вновь вступил в разговор Аз — помню шатались мы по электричкам, искали кого бы перевернуть. Прочесали несколько составов, и не фига! Даже гопов и тех нет. Мы было отчаялись, хотели домой ехать, сели на случайную электричку. И тут! Зашли в тамбур, и тема... Цунер стоит курит! Неказистый такой, сразу видно строителя какой-нибудь. Правда крепкий. Мне успел по харе врезать, причём не слабо. Ну мы его ушатали, сбили с ног... Я ещё помню, здорово гады о его бошку попортил, хоть выкидывай потом. Жалко даже. У хачей бошки больно крепкие, пока пробьёшь, три пота сойдёт. Ну и вот мочим мы его мочим, в раж такой вошли, и тут в тамбур мужик в погонах заходит...

— И что???

— Что-что... Покурил и ушёл, типа, я вас не знаю, вы меня не знаете. Всех делов.

— Ну это раритетный случай...

— Но ведь случай же! Было дело.

— Да таких случаев сейчас полно. Помнишь вьетнамцев нужно опрокинуть было?

— Ну!

— Грохот был жуткий, люди вопят, всё в крови. А тут одна мигалка приехала, мужичок такой вышел походил и уехал на фиг.

— А мы однажды с челом одним идём по улице, тоже оба при параде. А к нам алкаш какой-то привязался, нацистами обзывает, всё такое. Меня хватает так за рукав — Аз изобразил, как именно алкаш схватил его за рукав бомбера — и кричит на всю улицу нацисты! Мочи нацистов! Мой кореш не выдержал и ему в харю легонько двинул. Ну “легонько”, сам понимаешь, как... Тот отстал, а нас через два шага забрали, дескать “чё молодые люди мордобоем занимаемся”. И оформили, сволочи, ещё и штрафанули...

Внезапно разговор скинов, прервал гудок мобильного телефона, зазвонившего в кармане у Эдика.

— Минутку! Алло..

— Вы где ошиваетесь? — проревел в трубке грубый голос Бая.

Эдик прикрыл трубу рукавом, чтобы не позориться перед соратниками, которые и так подозрительно морщась поглядывали на мобильник.

— Мы тут это... дело одно перевернули...

— Самодеятельность значит?! — голос Бая, всё более зверел — чтобы через 15 минут были на горсе, акция намечается, подробности на месте! А за самоуправство бошку потом оторву!

— Погоди, а чё за дело то?

— На месте! Всё!

Спартач, погрузился, и нажав, на рельефную кнопку, отбоя, повернулся к друзьям.

— Дело дрянь. Едем сейчас на горс, Бай всех собирает.

— Блин, мы же засветились, щас бритых будут ловить!

— Не стоит беспокоиться — проворковал Бобёр — район другой, да и работает наша милиция как улитка. Спокойно.

Маршрутка заворачивала на Спортивной и скинам пришлось пересечь. Людный проспект как всегда жил своей поспешной жизнью, уносясь куда то вдаль и сужая экспозицию в одной далёкой пунктирной линии. Автобусы сновали туда сюда, распространяя вокруг омерзительные выхлопные газы. Троллейбус неприятно травмировали взгляд уродливыми рогами, вонзившимися прямым в небо. Трамваи и вовсе не ходили. Публика, самая разношерстная, как в гигантском муравейнике слепо тыкалась в различных направлениях, создавая

впечатления однородной массы. Тут и там выныривали как модные ветровки молодёжи, так и старые полинявшие демисезонные пальто пенсионеров. Было крайне противно на душе. Казалось мир суёт свою грязную продажную изнанку со смехом тебе в лицо, а ты пытаешься отвернуться но... не тут то было, руки сваяны, чья-то жёсткая воля управляет поражённым насквозь немощным сознанием, возрождая из хаоса всё новых и новых уродов, которые впрочем являются твоей собственной сущностью, лишь в разных адаптациях, под всевозможными углами кривого зеркала. Зеркало треснуло, ещё немного и мир пойдёт по швам, как обожравшийся икры правитель в кожаном кресле. Вырвется из трясин бытие собственное эго.

Скины, дабы не тратиться, решили прокатиться до горсовета на троллейбусе. Противный скрежет шин, казалось говорил о глубоком несовершенстве государственного транспорта, всё более рисуя в безобразном сравнении удобный европейский экипаж. Но это было очень далеко. Там где идея не являлась категорией смысла бытия, а диалектика не поработала массы противоречивыми законами вечности. Скрип тормозов, наглость противной кондукторши навсегда отчаивали любого, даже самого жизнерадостного человека, в прелестях омерзительного мира, в богом проклятой стране.

— Боже, что с Россией сделали! — только и успел выдавить из себя Спартач, а на его глазах вскипали горячим поток слёзы, слёзы отчаяния беспросветной мглы. Когда в одно прекрасное зимнее утро, понимаешь, что надежда, осталась в одном из твоих снов, и что жизнь ничто иное как пустое стремление к идеалу, которого не существует и не может существовать в громадном противоречии. Мир отрицает сам себя! Он уходит из под ног, и ты воспалёнными руками пытаешься, удержаться, но не тут то было. Руки ломают твой фундамент, сжигая всё самое ценное. Он прикрыл глаза — и черная, страшная дрожь сотрясла его изнутри. Глубже самой унылой тоски, глубже вселенского одиночества, эта жуткая дрожь забирается внутрь и выворачивает корни всего существа. Так продолжается до бесконечности. Упершись локтями в спинку троллейбусного сиденья, он пытался удержаться и не упасть. Ни одна живая душа не спасет родную страну! Точно так же, как я уже никого не спасу.

В пору разрыдаться в голос, но ничего не получается. Эдик слишком долго находился внутри этого водоворота, чтобы плакать, слишком многое пережил. Есть на свете такая тоска — от неспособности плакать. По-прежнему бесформенная, никак невыраженная, она просто копится на сердце всю жизнь, как снег в безветренной ночи. Когда Спартач был помоложе, он пытался подобрать для нее слова. Но сколько ни пробовал, так и не смог объяснить ее ни другим, ни себе самому. Тогда он решил, что это невозможно в принципе и перестал пытаться. Начал бороться! Выплеснул волну энергии во что то другое, более конкретное и простое. Он лишь не понимал, что сердце России вышло, а его душа медленно захлопнулась, а тоска эта стала еще неизбывнее.

— Что ты ревьешь — Бобёр, похлопал Эдика по плечу, выведя его из минутного оцепенения.

— Да так задумался — прошептал Эдик, скидывая слезинки с мягкой оболочки бомбера — насчёт России, думаю. Кончилась наша страна.

— Да уж не совсем! Мы и есть чтобы её не кончили другие!

На дорогу ушло чуть больше 20 минут. Когда двери распахнулись, и противный голос объявил остановку горсовет, скины наконец вырвались из отвратительной невымытой стальной катакомбы и мгновенно сориентировавшись, направили свои стопы в сторону лесопарковой зоны. Бая с бригадой не было видно, и Санёк Аз было выразил мнение, что те сами опаздывают. Но вдруг осекся, увидев близ памятника Ленина кучку крепких ребят, одетых в черное. Среди них маячил камуфлированный бомбер Бая.

— Вон они. Пойдём.

Аз потянул друзей за собой. Подошли. Бай, вяло посмотрел на всю троицу, и только сказал:

— Ладно, вовремя приехали. Идём без промедления..

— А что собственно случилось?

— Здесь недалеко тусуется кучка клоунов, в основном мелочь. Возьмём кого постарше, с целью разузнать подробности убийства Джона.

Бай дав понять, что разговор окончен, отвернулся и быстрыми широченными шагами, направился в сторону ближайших дворов. Его тень, словно огромный хищник, распласталась на асфальте, копируя каждое движение, и казалось что перед глазами самостоятельный организм, целиком состоящий из ненависти и агрессии, готовой в любой момент выплеснуться на поверхность и крушить всё на своём пути. Но громадная воля, просматривающаяся в любом, даже самом незаметном жесте, давала понять о высочайшей выдержке и расчётливости логически развитого ума. Позади Бая, трусила остальная бригада, каждый человек — напряжённый нерв, часть единого организма, категория агрессии, разряд борьбы. Реакция организма на вторжение чего-то инородного, всегда восстанавливала статус кво, а для воссоздания требовалась радикальная энергия, сопровождаемая уничтожением чего-то застарелого, забитого для становления нового универсального бытия. Тебе плохо? Сделай чтобы стало хорошо, убей заразу внутри себя. Поменяй иллюзию на другое пространство, не подчинённое узким нормам твоего больного воображения. По определению, Адольфа Гитлера, самый страшный жид кроется изнутри персонального сознания. Его имя неуверенность, страх, лень. Победи его, и прорви стены тюрьмы, в которую сам себя заключил — как бы говорило каждое движение бригады.

Скины углубились во дворы, по пути старались не разговаривать, и лишь ровное дыхание воинов, ритмичные глухие удары ботинок об асфальт, выдавали их с головой. Вспоминался текст песни “Снова целым маршем идём, высоко подняв флаг”. Это была музыка борьбы, именно та неповторимая атмосфера, что так высоко ценилась основоположниками направления “oi”. Жёсткие ударные инструменты на первом плане, пафосный гимн на втором, жидкий адреналин, рвёт тебя на части, превращая кровь в единый поток агрессии.

Вдали закаркала ворона, верный предвестник беды. Завыл соловей, высунув на минуту голову из скворечника, и сразу спрятался назад. Громко залаяли в унисон собаки: даже природа остро предчувствовала надвигающуюся шаг за шагом катастрофу и всеми силами пытался предостеречь невинных жертв от смертельной

опасности. Но всё было четко. Судьба мгновение ока, расставила точки на “и”, распределила жуткое бремя на всех участников, как на победителей так и на жертв, не принимая в расчёт потока времени, и ситуативного настроения, просто сделала свою работу. Сделала всё так чисто, что для жалости не осталось места. И осталась лишь холодная пожирающая душу боль победы.

Бай остановился, и бригада сгрудилась вокруг него, словно солдаты, ежеминутно ожидающие приказа к наступлению, он к чему-то прислушался, вдохнул полной грудью отравленный запах смерти. Прохладный мрачный ветер принёс обрывки бессвязных слов и чей-то монотонный смех, скорее горький предсмертный хрип. Порывы воздуха кружили у ног, свирепо надувая за шиворот чёрных бомберов. Пахло падалью.

— Они там, за домом — кивнул Бай, потирая грубые ладони — окружаем и валим, ни одного не упускать.

— Поехали!

Без единого звука группа вывалилась из-за дома. Скин, по кличке, Доберман, сжимал в руках металлическую массивную оглоблю, Бобёр напялил поверх эластичной перчатки литой кастет, Спартач, размотал тяжеленную цепь, которую до этого момента благоразумно прятал в кармане брюк. Бритым представилась следующая картина: на небольшой скамейке, покрытой полинялой краской с грязноватым оттенком, сидела небольшая компашка обезьян с нефотогеничными физиономиями. Они стояли спинами и не могли видеть надвигающуюся на них тень, всецело состоящую из чёрных бомберов и бритых голов. Страшная кара пришла к ничего не подозревающим, невинным ребятам, она не принесла избавление, а лишь вечное страдание разорвало привычные формации и вылилось во что-то колоссально жуткое. Создав живую цепь, скины бесшумно надвигались, отрезав всякую возможность спасения у жертвы. Один репер, держал в руках початый баллон пива и делал большой глоток, когда подлетевший Бай, показав великолепнейшую растяжку нанёс ему мощнейший удар литой подошвой грена в череп.

— Хрясь!

Репер вскрикнул и кубарем покатился по асфальту. Баллон по инерции, подлетел высоко в воздух и обдал окружающих пенящейся струёй мочевидного цвета. Репера окружили со всех сторон, засвистели тяжёлые ботинки мгновенно превращая тело в искорёженный остов. Мощные тракторные подошвы со всего маху опускались на голову, вызывая оглушительный треск. Реперы ещё не успели осознать всю внезапность происходящего, один, даже не поднялся со скамейки. Ему, коронным ударом сверху вниз, с огромной силой, врезал Аз. Репер перевернулся через голову, нервно вскрикнул бабьим голосом. На его живот с разбегу запрыгнул платформами гриндеров Спартач. Подошвы скользнули по телу, будто по мягкому маслу. Эдик едва удержался на ногах. Репер страшно заорал, крик внезапно перешёл в хрипящие интонации, он попытался встать на ноги, но Спартач молниеносными ударами пыра ботинка в череп заставил его прийти в позу лебеда. Ещё двоих реперов смачно колбасили ногами в стороне Доберман с друзьями. Один жутко визжал, пытался схватиться за штаны обидчиков, извивался под нечеловеческими ударами, но под конец закрыв голову руками лишь тихо всхлипывал. Доберман с треском бил по башке другого репера стальной оглоблей.

Не надо! ААААА! Нет! — что было силы кричал тот, в ушах у него безумно брэнчало, а в глазах при каждом ударе взметался сноп искр. Голова гудела как литой колокол.

Небольшой парнишка в широких штанах попытался сбежать, но Спартач кинулся ему наперерез и сбил с ног отличной подножкой. Цепь просвистела в воздухе и смачно врезалась в лицо лежащему. Брызнула кровь.

— Пора сдохнуть, черномазый щенок!!

Другого репера окружили сразу пятеро скинов, грозно размахивая кулаками и осыпая жертву бесчеловечными ударами преимущественно по голове и лицу. Через кольцо прорвался Аз и что было силы заехал тому кулаком в нос.

— Учитесь, мля, пока я жив!

Репер однако не упал, но зато схватился за переломанный носовой хрящ. Опомниться не успел, Санёк звезданул ему в ухо со страшным звоном. Репер полетел прямо на двух бритых, те помоги ему упасть, подставив сзади ногу. Искалеченного репера принялись избивать ногами, пафосно крича при каждом ударе. Кто-то успел заехать ему бутылкой с пивом по голове, а потом сунул в шею острым горлышком. На площадке стремительно разрасталась лужа крови.

Бай схватил за горло толстого репера, очевидно лидера компании. Он придержал его, пока Аз не нанёс пару стремительных отточенных ударов в области дыхательных путей.

— Аааааааа! Пфр! Хрррррррпффффф!

Репер задохнулся и стал медленно оседать на землю, согнувшись в три погибели. Бай смачно оттянул парня тяжёлым ботинком по хребту. Репер взвыл, вытянулся в струну, и повалился на бок, ему сразу же ткнули в пах металлической арматурой. Репер весь зажался в колобок и бился в истерике.

— Стойте! — вдруг командным голосом прокричал Бай — этого пухлого не бейте. Он наш язык!

Две короткие минуты и всё было кончено. Скины подошли вплотную к скамейке. Окружающее поле битвы представляло собой жалкое зрелище: на земле в различных позах валялись окровавленные тела, все замотанные, порванными, заляпанными кровью кусками ткани, служившими некогда одеждой. Кое кто ещё тихо постанывал, свернувшись калачиком и зажав пробитую голову ладонями. К нему подбежал Аз и со всего маху, прямо на ходу, врезался в башню литым титановым стаканом на ботинке!

— Вот так мы черножопых скотов валим!

Репер страшно дёрнулся, конвульсии пробежали по его телу и он затих. Неоспоримо, что после погрома не один из здесь лежащих уже не будет прежним, если вообще останется жить.

На скамейке сидел толстый репер. Его лицо было разбито и заляпано слезами и грязью попеременно с кровью. Один глаз тошнотворно закатился на лоб. Рот распух, а нос имел прямое сходство с вываренной грушей.

— Отвечай — заорал ему в ухо Бай — тебе известно кто подготовил нападение на скина? Кто участвовал в этом акте? Даю тебе альтернативу, чёрный ушлёпок, либо ты нам тут всё рассказываешь и спокойно прёшься к себе домой, докуривать своё хренов ганж, либо... Посмотри на своих товарищей, вон они лежат — Бай насильно повернул голову репера в сторону окровавленных тел — с тобой будет то же самое, но не сразу, и в четыре-пять раз хуже. Понял?! Кто замочил скина? Говори!

Репер только всхлипывал и трясся все телом.

— Отвечай, чёрная мразь! На! На!

Бай полосовал твёрдыми ладонями лицо толстяка со злобой доктора Фауста.

— Отвечай!!! Отвечай!!

Наконец репер, приоткрыл рот и сделал усилие что-то сказать.

— я... Я...

— Что, ты?

— В-в-в-в-род-д-д-е ре-ре-бята Пахана по-по -ста — ста— рались...

— Пахан значит?

— На-на-наверное..

— Чёрт!

Бай бросил репера сидеть на скамейке и отошёл в сторонку покурить. Он напряжённо думал, казалось что мысли рвались на поверхность, и отражались на волевом лбу, оставляя глубокие борозды в грубой коже. Лицо всё более темнело, словно в сильную грозу, когда тучи, медленно нагнетаясь, превращают небосвод в чёрную бездну, разрываемую яркими пылающими всполохами огня. Его отвлек от раздумий Спартач.

— Слышь, Сократ, чё с толстой макакой делать будем?

— Уйди на!

— А как же клоун?

— Сказал же русским языком мля, затопчите!!!!

— Слушаю-с.

На несчастного толстяка немедленно ринулась вся бригада.

— Нет! Нет! — безудержно кричал он — забиваясь под страшными тяжёлыми подошвами кошмарных ботинок. Его стащили со скамейки, нанося удары по лицу, обтянутыми в кожаные перчатки, крепкими кулаками. На голову градом сыпались дробящие удары. Кто-то заехал острым задником гада в рожу и кровь мутным потоком хлынула на асфальт. Репер продолжал извиваться, всё таки он был довольно крепким парнем. Его били уже бетонной урной. Спартач неплохо орудовал цепью, нанося в разную сторону удары по различным частям корпуса. Доберман запрыгнул на него и принялся со вкусом прыгать, одновременно заколачивая башку в асфальт.

— Стойте! — вдруг рявкнул Бай — стремительно раздвинул кольцо нападавших, выхватил остро наточенную отвёртку и ткнул лежащего пару раз в живот. Отвёртка с хлюпаньем оба раза свободно вошла в тело. Репер что-то мычал, корчась от страшной боли.

— Пошли, шас менты приедут — сказал Бай — и уже удалялся прочь быстрыми шагами. Все последовали вслед за ним.

Один из новичков, небольшой скинхэд, по кличке Ёж, который не брея голову, всегда носил на макушке короткую площадку, поравнялся с Баем и задал вопрос:

— А кто такой Пахан?

Вместо Бая, ответил Спартач:

— Пахан это местный Нигер. Приехал пару лет назад из Замбези и создал нечто вроде организации. Организация антифашистская, почти целиком состоит из реперов, хоперов, пидаров, черномазых и подобных скотов. Как ни странно Пахан объединил под своё начало довольно много народу. Я всегда знал что наш город изнутри кишит чернью, но до такой степени. Мы из слегка шуганули, раскидали небольшую демонстрацию. А год назад это стадо избило двух наших скинов под акцией “фашизм не пройдёт”. Мы ответили серией погромов. Мочили любую сошку в широких штанах, начиная от мелочи, заканчивая криминальной шишкой. Перебили их немало. В одной потасовке очень сильно опрокинули одного чернокожего, думали он и есть Пахан. Если не сдох, то уж идиотом на всю жизнь точно останется. Ну и вот. Мы все решили что Пахан откинул сандали. А он оказывается жив и шлёт нам пламенный привет. Хотя больше года не было ни слуха ни духа. Может лечился, Бай, как думаешь?

— Мне плевать на здоровье этих черномазых! Лучший Нигер — мёртвый Нигер. Мы разнесём их так, что у местной молодёжи больше никогда не появится желание ходить в широких штанах. Устроим ночь длинных ножей! Прижжем заразу, в корне!

— А где он тусуется? Нужна наводка, блин... Так не узнать.

— Мне не нужна никакая на хрен наводка! Я прекрасно знаю где он обитает!

— Ну и где?

— Единственное место. База!

— Что? Да туда не сунуться!

— Для меня нет преград, соберём народ! У нас много сочувствующих! Нас можно убить, но не победить!

На том разговор закончился и скины, обсуждая предстоящие планы начали тихо расходиться по домам.

Прежде чем, продолжить повествование, хочется уточнить небольшую историческую справку. Что же такое База, ты уже давно маешься над разгадкой этого названия, читатель. На самом деле перед нами место сбора бесчисленного количества поклонников чёрной музыки, “каннабиса”, моды африканских кварталов и тому подобных нововведение современности. Днём это обычное здание, грязно серого цвета, покрытое сальными

пятнами, огромными окнами в готическом стиле и бетонной полу развалившейся лестницей на входе. Днём сюда можно войти, походить по комнатам, пройти в water closet и подивиться невообразимой тишине, пропитавшей насквозь каждый камешек этих тёмных хором. словно испокон веков сюда не ступала нога человека, вымерло понятия душа и тело в гигантских сводах разрушенного дворца. Изредка ветер треплет мрачные старинные фонари на стенах, их переливчатый звон глухим эхом отдаётся в лабиринтах коридоров, так что кровь стынет в жилах. Кажется что огромная сущность, закованная в тяжёлый цепи бродит по зданию и ищет собственное я в водовороте мыслей и событий, давно ушедших дней. Здесь живут старые грёзы. Здание просто орёт о них, ассоциации вылезают из под ног, втыкаясь в сердце осколком разбухшего до величины помидора осколком стекла. Научись читать их, и великий вселенский ужас разорвёт крупичи твоего разума на сотни миллиграммов жидкого кварца, и он станет монолитом здания. Запутанные ходы, петля переходят во влажные подвальные помещения, наполненные червями и пиявками, плещущимися в мутной противной воде. Огромные окна, заманивают глубиной своего ирреального восприятия. Пустынные залы лишь разжигают любопытство посетителя безупречной пустотой и мрачным хаосом. Пираньи в хрустальном бассейне зло косятся на новичка, столь решительно потревожившего их мерный покой. Страшно и не по себе становится в этом огромном кубическом пространстве, пропитанного насквозь сырым холодным мраком. На полинялой жухлой двери висит ржавая табличка “буфет”, но лишь войдя внутри обнаруживаешь жуткую атмосферу враждебности, давящую на тебя со всех сторон. За разбитой кассой стоит обглоданный скелет древнего животного, отдалённо напоминающего птицу-ящера. Возле перевернутых столов по полу растекаются странный подтёки, вызывая смутные ассоциации с кровью. Стены давно обветшали. Масляная краска почти слезла, обнажая холодный серый кирпич. В одном месте в стене воткнул острый топор. Ритуальный инструмент прежних жителей. В здании постоянно слышен отдалённый печальный звук органной музыки, но стоит направиться в направление её источника, как он всё более удаляется, и уже почти теряется вдали. Сделай два шага, и звук, вновь, звучит, у самого уха.

Но с приходом ночи всё меняется. Оживают старинные залы, зажигаются пепельно-мёртвым светом фонари, окутывая окружающий вакуум призрачным мерцанием смерти. Стены источают фосфорический блеск, будто бы на каждой кирпиче сгрудилась толща светлячков. Иллюминация, однако не выходит за пределы здания, разжигает внутренний, давно умерший мир кровавыми бликами на потолках. Коридоры наполняются противным хоперным ритмом, он словно танцует в атмосфере, заполняя сердце беспредельным кошмаром, дурманя сознание. Дух тления свербит в носу, точно входит в состав воздушного пространства, смешиваясь с запахом конопля. В такие ночи люди боятся подходить к зданию. Страшная вакханалия разгорается под сводами ритуального храма, ночи напролёт здесь звучит рэп, отдаваясь гулким эхом в тёмных коридорах, живущих собственной, не подвластной логическому осмыслению жизнью. Всюду мелькают широкие штаны и дреды. Воздух насквозь пропитывается матом, похабными выражениями — и даже сам господь не в силах смотреть на кошмарное пиршество зверей, закрывает глаза и морщится. Реперская агрессия, нафаршированная алкоголем вываливается наружу, дабы справиться нужду, и горе тому, кто окажется поблизости, один на один со зловещим дворцом. Мистические ритуалы ведутся часами в заброшенных аудиториях. Говорят, что здесь хотят возродить дух Мартина Лютера Кинга, превратив его мёртвую душу в тошнотворную нежить, инструмент для садистского уничтожения истинной идеи. Недавно милицией был найден изуродованный труп, по весьма узким показателям, напоминающий тело человека. И это лишь малая толика того ужасного, что происходит здесь! Всем управляет один человек. Цент садисткой оргии. Всегда мрачный Пахан. Низкий, с чёрным лицом упыря, не расстающееся ни на минуту с широким штанами и жуткими щипцами, по его словам “чтобы пытать нацистов”.

Помощник Пахана, небольшой негр по кличке Серёга-Лыжник. Его так прозвали за одну странную особенность. Изрядно обкуриваясь ганжа, Лыжник очень любил ходить на лыжах в летнее время года, вызывая со всех сторон непонимание. Но он весьма гордился этой странностью. Серёга обожал одевать лыжи и ходить в одних трусах, виляя бедрами, тем самым привлекая похотливые взгляды прохожих, которых в это время на улице было много. Он об этом знал и это ему нравилось.

Пахан, вместе с Лыжником были грозой района. Их побаивались, не только молодёжные компании, но и правоохранительные органы. Ещё не стёрлась в памяти жителей, ужасное сообщение о изуродованном теле милиционера, найденное близ базы. На теле остались явные отпечатки чьих-то крупных зубов, из разных частей туши торчали крупные зубья продолговатой формы. Глаза напрочь вывернуты. Из пустого брюха, одиноко выпирала прямая кишка. Земля вокруг заляпана кровью и кусками человеческого мяса. Очевидно, над бедолагой ставили нечеловеческие эксперименты, пытались удалить мозг, но лишь разворотили череп. После инцидента, даже милицейский патруль побаивался злчного места, обходя далеко по периметру. Здесь правил дух распада.

В воскресенье утром Бай начал собирать народ для предстоящего погрома. Народ подтягивался с огромной охотой, ещё бы, многие отлично знали Джона и были готовы оказать движению любую посильную помощь. Подходили как члены нац — группировок и организаций, так и скинхэды — одиночки. Каждый подолгу беседовал с Баем, приносил соболезнования и просил разрешения, участия в операции.

Желанным гостем оказался Бешеный со своей шикарной бригадой “Вальковский фронт”. Банда пользовалась колоссальными полномочиями в городе. Сам Бешеный, достаточно видная фигура, среди местного реакционного движения, имел высшее дипломатическое образование и широкий идеологический кругозор. Члены его группировки отличались высочайшей выносливостью и почти не вылезали из тренажёрных залов. Каждый представлял из себя гору мускул и беспредельной отваги. Настоящие солдаты! Бойцы национального фронта! Именно Бешеный организовал знаменитый погром в Царицыно. Благодаря нему почти полностью был разрушен местный рынок. Лица кавказской национальности знали, что если за дело возьмётся лично Бешеный, в живых не останется никто.

Егор — Бешеный приехал в стильной двуколке, запряжённой парой гнедых лошадей, ослепительно белого цвета. Он был одет в кожаный бомбер, чёрного как смоль цвета. Под бомбером проглядывалась чёрная армейская водолазка с надписью “BLOOD AND HONOR”. Поверх водолазки пущены широкие подтяжки, перекрещивающиеся в форме Х на спине. Брюки военного покроя подвёрнуты, обнажая стильные тяжёлые гриндера с белыми шнурками. На чистом выбритом черепе сидел щёгольски заломленный на бровь берет с символикой кельтского креста посередине. Члены группы носили зелёные бомбера с нашивками “Вальковский фронт” на рукавах.

Егор, вылез из двуколки, приветственно вскинул правую руку от сердца к солнцу и громко продекламировал:

— Слава России, братья!

— СЛАВА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ! — раскатисто ответила ему сотня голосов.

Бешеный подошёл к Баю, они обнялись.

— Ну что брат, каков план?

— Элементарно. Мочим обезьян на их базе.

— Народу что-то многовато, тебе не кажется?

— В самый раз! Ни один клоун не должен выжить! Это будет ночь длинных ножей, дух мщения!

— Мои ребята давно мечтали опрокинуть пару тройку обезьян. Я поддержу тебя, брат!

И они вновь обнялись.

Тем временем толпа скинов на площади всё сильнее расширялась. Вскоре окружающая действительность походила на огромную морскую гладь в пасмурную погоду. Чёрный и защитные цвета перемешались и шумно волновались, приобретая всё более агрессивные формы. Шторм разрастался, стремительно, спонтанно, в сознании каждого из участников. И каждый терял свою индивидуальность в этом широком потоке, классифицируя себя с гигантским организмом, готовым к ежеминутным разрушениям во имя созидания. Скины топтались на месте, переговаривались между собой, ждали приказа к наступлению. Обычные граждане проходя мимо площади, старались не останавливаться, ускоряли шаг, делая вид, что торопятся. Люди из соседних домов тревожно глядели на собирающейся гигантский муравейник. Страх засел в их сердцах, наподобие иглы, смотрел сквозь их разум уродливой безликой мордой. Скины же чувствовали себя вполне вольготно, потирая руки в предвкушения “веселья”. Вскоре всё вокруг состояло из начисто выбритых черепов, камуфляжа и чёрной одежды.

— Пора бы начинать — кивнул Баю, Бешеный.

— Сейчас. Подождём.

Неожиданно на площади произошло оживление. Раздалось ржание лошадей и стук тяжёлых копыт, он всё нарастал. Все обернулись. К площади подскочила серия скакунов примерно из 10-15 наездников. Во главе кавалькады восседал приземистый мужичок в кольчуге, монолитном шлеме с поднятым забралом и шикарным пером наверху, очень похожий на гнома. В физиономии мужика, наделённой громадными чёрными пушистыми усами, и колоссально длинными волосами можно было без труда узнать Витязя — довольно уважаемого местного металлста, основоположника КТР в регионе. Витязь подъехал поближе. За ним скакал оруженосец, весь с ног до головы в сверкающих стальных доспехах, подпоясанный короткой турецкой саблей. Остальные наездники были простенько одеты в смесь современного камуфляжа с романо-германским стилем доспех.

— Господи — подумал про себя Аз — какой урод их так вырядил, просто петушьё какое-то.

Один из наездников держал в руке тонкое сандаловое древко на вершине которого развивался флаг с эмблемой “Паука” с ногами в виде свастики наоборот.

Витязь отсалютовал поднятым вверх мечом и на редкость противным голосом, спросил:

— А что собственно случилось?

— Да так — ответил Бешеный, показывая давние дружеские отношения с Витязем — хотим разгромить одно логово.

— Почему нас не позвали? Или с металами больше не сотрудничаете?

— Это наше личное дело... — вмешался в разговор Бай — незваный гость хуже татарина. Мы сами в состоянии разобраться, без твоих рыцарей. В конце концов не в средневековье живём!

— Но мы лишь хотим помочь вам в этой неравной борьбе. База опаснейшее место, оно таит в себе немало опасных сюрпризов.

— Довольно — резко оборвал Витязя Бай — это дело нацев и никто сюда не влезет без нашего приглашения!

— Будь по твоему — Витязь развернул лошадь и махнул мечом своей команде.

Когда рыцари ускакали, Бешеный перевёл дух и спросил:

— Он всегда такой?

— Да нет... Сейчас просто эпосом увлёкся, вот и вообразил себя средневековым варваром. Так и сменил косуху на кольчугу. Идиотизм конечно.

— Да нет, почему. В конце концов это весьма увлекательно. Однако, пора нам выступать. До базы путь неблизкий.

— Да, да, ты напомнил как раз вовремя, заволновался Бай — сейчас отдам приказ!

— СТАНОВИСЬ! — заорал он во всю глотку. И море бритых голов сразу примолкло и обратило свои взгляды к оратору — не буду повторяться, да и нет смысла. Идём до места, тихо, без всяких штучек. Прохожих не трогаем, даже если среди них будут хачи или клоуны. На месте, слушаемся моей команды, без позыва не налетаем. Кто изволят самовольничать — в акции участвовать не будет! Всё ясно? Уничтожаем всех до одного, никого не упускать! Никакого гуманизма! Ясно?

— ЯСНО!!! — громовым потоком в один голос ответила толпа!

— НУ ТОГДА С БОГОМ! ЕСЛИ ПЕРУН С НАМИ ТО КТО ПРОТИВ НАС! ЗИГ ХАЙЛЬ!

— ЗИГ ХАЙЛЬ! — сильнейший рёв промчался над городом, и даже в отдалённых районах люди поднимали головы и тревожно вслушивались в этот громовой призыв борьбы.

Ночью никто не спал. Лаяли собаки, буквально заливаясь. Кричали петухи на зоне. Змеи попрятались в норы, как перед большой грозой. А между тем гроза разразилась совсем близко. Колонна за колонной ровными шагами двинула до своего места назначения громадная толпа бритоголовых, численностью в несколько сотен человек. Они шли по городу, высоко поднимая шесты с флагами, на которых то и дело мелькали символы “White Power”, “Kolovrot”, Крест перечёркивающий круг, языческие руны, надписи “Кровь и Почва”. Легион продвигался всё дальше и дальше грозно стуча подошвами тяжёлых ботинок об асфальт. Казалось даже земля замерла и вслушивалась в единое движение этого кошмарного отряда, исторгнутого из самой преисподней. Случайные, запоздалые прохожие, сжимались под сотней озлобленных глаз и кидались подальше от жуткого карательного жезла, в любой момент готового сверкнуть в руках предводителя. Казалось, страшный поток затмевал небо, поглощал ночь, ибо был темнее всякой тьмы, чернее самого страшного греха и мрачнее тучи. Она рвала пространство своим монолитом, тяжёлой волной пробивая насквозь привычную этику, оставляя глубокие раны на земле. Строй имя которого Легион! Он шёл покарать страшной гибелью, ту кучку смельчаков, которая воспротивилась новому русскому порядку и попыталась выдвинуть свои ценности, но мощный ураган, страшная толпа из бритых голов, голых мускул и камуфляжа навсегда решит их судьбу, превратят полные идей и жизненных сил тела в кучу окровавленного мяса, корм для собак. Толпа, разрывая ночь, победно шла напрямую. Борьба с врагами, уничтожение иноземцев, тех кто здесь совсем не welcome, кого не приглашали в бескрайние просторы нашей страны — вот основной лозунг Легиона.

Внезапно, шествие прервалось неожиданным инцидентом. В последних рядах произошла какая-то потасовка, раздавались крики, звуки ударов, послышался протяжный вой, затравленной жертвы. Скинны по очереди оборачивались, в рядах слышались непонятные переговоры и приглушенный смех.

— Чё за беспорядок? Сказано же было мля, до места идём без всяких эксцессов! — недовольно обернулся Бай.

Бритые расступились и взору лидеров представилась следующая картина. На земле, прикрыв ладонями голову, валялся парнишка среднего роста, с грязными растрепанными милированными хайрами до плеч на голове неправильной формы, в чёрной порванной косухе. Парнишка тихо сопел разбитым носом и всхлипывал, подле него с виноватыми физиономиями стояли Ёж с Азом. На них накинута Бай:

— Мля! Вы чё оборзели? Что я вам говорю? А? Хрен теперь в акции участвовать будете!

Санёк вздохнул:

— Да он сука, обдолбанный, на нас смотрит будто с луны свалился. Грех было не пресануть.

Бай поморщился:

— Поднимите его.

Парнишку подняли, на лице его не отразилось никаких чувств, словно он находился в глубоком ступоре. Один из скинов, подошёл вплотную и съездил ему кулаком в бубен. На скина тотчас замахнулся Бай:

— Вали в строй!

Потом посмотрел на нефора, оценил взглядом ссадины на его лице, разбитые губы с остатками запекшейся крови:

— Слышь, пошёл отсюда, пока не убили!

Нефор сразу бросился наутёк, картинно выбрасывая ноги в пространство. Его жадно провожали взглядами скинов. Дисциплина была восстановлена и отряд двинулся дальше.

Через некоторое время, строй затянул песню. Слова победным кличем растеклись по округе, и смешиваясь с ударами тяжёлых гриндеров вселяло страх и ужас в сердца обывателей. Немецкие рывающие интонации, напоминали возрождённый рейхстаг, мчащийся по просторам державы и предвещающая быструю гибель всем чертям.

Wir kommen uns nie sehr Leiden,
DEUTSCH-RUSSISCH war zu vermeiden,
Aber das darf es nicht mehr sein
Denn WHITE POWER ist unser Leben!

Wir heissen einander willkommen,
Denn wir sind stolz weiss undeinfach volkkommen
Die Kanacken vereint hinaus,
Und die Zecken dann in Zuchthaus

Russland — Deutchland
Kommt wir reichen uns Die Hand!
Russland — Deutchland
Die Kommins werden letz verbant

И затем припев на русском языке:

Слава Великим братским народам!
Больше нас никому не стравить
Встанем вместе за нашу свободу
Нас можно убить, но не победить!

Россия — Германия
Пусть будет дружба на века!
Россия — Германия
Не должна повториться братская война!

Следующую песню исполнили всецело на родном русском языке:

Грядет победа среди огня и стали
Восставшие за мир, вступают с миром в бой!
Имперские орлы вновь крылья распластали
Войну, приветствуем поднятой рукой!

Нас ждёт триумф великий и суровый
Стоят бойцы, сомкнув единый ряд!
Ты видишь зарево — священная RaHOWA!
Пусть ночь темна, но факелы горят!

Визгливые нотки резали слух небывалой какофонией. У любого обычного человека давно бы случилось помутнение рассудка. Но полностью нормальных здесь не было. Легион восторжествовал безумием, здравым безумием смерти, божьей кары над негодяями присягнувшими на высоко державный престол. Жутко и тревожно было слышать в ночи этот хор из сотен голосов, пробуждающий массы к противостоянию и одновременно отталкивающий привычные ценности.

Затянули припев:

Наша борьба и наша победа
Россия устала ждать и терпеть!
Белую честь не опозорим
Нас суждено победить... или умереть !

Затем последний куплет:

Герои не умрут, они приходят снова
Помочь борьбе осилить всех врагов,
Приходит новый век торжественно и строго
ПОБЕДА БУДЕТ НАША! РУССКИЕ ВПЕРЁД!!

Трижды гаркнули, рассекая тишину мрачным баритоном:

Заря близка, знамёна выше братья!
Смерть палачам России дорогой!
Звонящий меч фашистского проклятия
Сметёт навеки черномазый гной!

Вслед за тем исполнили знаменитый скиновский гимн:

СКОРО! СКОРО!
МЫ ВЫГОНИМ ГОСТЕЙ!
РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ!
МОСКВА ДЛЯ МОСКВИЧЕЙ!

ДАВАЙ-КА
УЁБЫВАЙ ОТСЮДА!!
РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ!
МОСКВА ДЛЯ МОСКВИЧЕЙ!!

МЫ НИГЕРОВ ПОВЕСИМ!
МЫ ВЫРЕЖЕМ ХАЧЕЙ!
РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ!
МОСКВА ДЛЯ МОСКВИЧЕЙ!

Допеть не успели, Бай обернулся и властно попросил тишины, подняв руки высоко над головой. Толпа, огромная и молчаливая, выжидающе приостановилась у невысокой арки, как раз напротив дворца.

— 5 минут ждём и нападаем. Смотрите, не шумите, похоже они выставили дозорных — полушёпотом промолвил Бай, прикладывая к глазам бинокль ночного видения. И действительно, близ дверей здания стояло несколько дюжих реперов. Правда безоружные. Даже камуфлированные брюки у них заменяли простые широкие штаны. В темноте реперы-охранники выглядели большими бесформенными кучами тряпья, и лишь, по сигаретным огонькам, и едва слышным переговорам, можно было догадаться, что перед нами люди.

Скины ждали, вонзив пронзительные взгляды в пылающее всеми цветами радуги здание. Оно будто бы притягивало к себе, заставляло мыслить по-иному, настраивало на странную атмосферу отрешенности. Своего рода гипноз. Где-то сбоку приоткрылась небольшая дверца, и двое реперов выскочили во двор, по нужде, громко матерясь и на ходу растягивая штаны. До скинов долетел обрывок бессмысленного разговора. Смех в перемену с матом звучал странно и неестественно на фоне грозной опасности, исходящей от затаившихся за аркой толпы бритоголовых.

— Не к месту — подумал Санёк Аз, вытаскивая из под бомбера тяжёлую арматуру. Он был одним из штурмовиков.

— Го-товсь! — шёпотом прикрикнул Юра — Штурмовики! Два шага вперед!

Группа средних размеров и выступила вперёд. Это были штурмовики — наиболее крепкие и агрессивные ребята. Встав плечом к плечу их тела образовали мощную непробиваемую живую стену, жуткой неприступности. Вдобавок стена двигалась и кромсала всё и вся на своём пути, обращая твердь в кучу обломков. Цель штурмовиков заключалась в освобождение пути от возможных препятствий.

Небольшая минутная пауза. В такие минуты, каждый участник настраивает свой организм на возможные перепады давления. У новичков почти всегда начинают дрожать руки, сохнет во рту, тяжело бьётся сердце. Но и бывалые скины, немного нервничают от предстоящего, правда стараются мысленно сконцентрировать себя, приведя в состоянии релакса. Кто то курит, другие отвлекаются тихим непринуждённым разговором, некоторые ловят себя на определённой мысли и разрабатывают её суть до конца. Бай, например, в этот момент, подавив волнение, сдерживал жуткую ненависть, рвущую его уже давно на части. Он прекрасно знал, что если позволит ей вытечь во что либо конкретное потеряет контроль над собой и скорее всего начнёт тормозить.

Тишина расступилась. Деревья скрючились, прижав кроны к земле, точно в страхе. Воздух вокруг сгустился, стало тесно дышать. Небо посылало мириады световых фонариков, звёзд, разрастающихся большим воображением ребят в сотни и тысячи раз.

— Готов-сь — голос Бая прорезая пустошь — НАЧИНАЙ!!! — заорал он уже во весь голос, более не таясь — Если Перун с нами то кто против нас! СЛАВА РОССИИ!

Полыхнули факелы в руках каждого участника. Горящая пугающими бликами “ночь длинных ножей” кинулась вперёд, звеня подобно стальной колеснице. Месиво с грохотом надвигалось на мгновенно съезжившихся реперов.

Штурмовики нанесли первый удар. Заспанные охранники испуганно хлопали глазами и не могли увернуться от неожиданно ринувшегося на них потока. А между тем что-то безумно жуткое вырвалось из плена, подобно цепному псу и неумолимо шло вперёд, разрушая все преграды. Спереди это представляло довольно страшную картину, безликая масса, сверкающая чисто выбритыми лысыми и пылающими глазами во мраке устремляется вперёд на врага. Страх парализовал их внутренности. С Грохотом и визгом нападающие, прорвали защиту. Раздались истошные вопли. Отстающие скины почти ничего не видели, кроме беспокойства впереди. Однако они прекрасно слышали звуки ударов и сатанинские вопли.

— Первая кровь! — разнеслось на всю округу победоносные крики.

Первых реперов буквально вмяли в землю. Они один за другим падали на землю, сокрушаемые жестокими ударами по хрупким телам. Мочили сразу группой, далеко выбрасывая тяжёлые кулаки и мощные ботинки, окружали и били единичных реперов, давили по несколько человек!

— И раз! Раз! Хрясь Хрясь! Хрясь! Хрясь!

— Ааааааааа! Нет! Нет!

— Получи клоун! Ещё раз в бубен! На! — орали сразу пара десятков голосов.

Вспыхнул прожектор, ярким лучом осветив окрестность. Резкий слепящий белый свет просверливал насквозь поле боя как рентген. Стало видно мечущиеся фигурки бритых, что есть силы дубасящие кучку испуганных реперов. Ёж разбежался и ловко с прыжка врезал ногой в лицо, стоящему на лестнице реперу. Тот прикрываясь от яркого света и одновременно корчась от боли, забился в агонии. Его сразу огрели литой кувалдой в темя. Остальных прямо на ходу сбивали с ног, тащили за одежду, одновременно колошматя ногами по телу и голове. Скины размахивали пылающими в руках факелами. Первая волна мгновение ока обратило охранявших здание реперов в кучу отбросов. Новая лавина накрыла их, прямо на ходу втапывая в бетон разкуроченные тела. С визгом скользило мясо о подошвы тяжёлых гринов. Смачно стекала кровь по ступенькам. Лавина не останавливалась и обрушила всю свою энергию на монолитные двери. Они с лязгом были сорваны с петель от высочайшего напора. Дерево с шумом разлетелось в щепки. С воплями толпа прорвалась наружу и принялась зачищать холл. Небольшая кучка реперов, загораживающих дорогу была мгновенно подавлена. Первые ряды налетели на них с колоссальной стремительностью, обрушив шквал ударов. Всюду, куда бы не устремился взгляд, реперов стаскивали на землю, били по головам, с разбегу врезались в них пырами ботинок, колошматили арматурой! Жуткий вой в сочетании с грохотом ударов наполнял атмосферу. Каждый пытался прорваться к потасовке и нанести по удару. Скины страшно толкались, кто-то уже успел схлопотать в табло от своих же.

По голове наносить удары было не слишком сподручно, в виду этого мочили по почкам и нижней части живота. Пробив защиту из ладоней, подоспевший Спартач звезданул ногой по лицу визжащему. В ход пошла арматура. Два или три удара тяжёлой доской для сёрфинга мгновенно пробили тонкий череп репера. Кровь попеременно с мозгами испачкала брюки нападавших, противными тонами.

Репер успокоился навсегда. Все поспешили к раненному Баю.

— Вождь что с тобой? — тревожным голосом спросил у закатившего глаза на лоб Бая, Спартач.

Кожа на лице Юры, некогда приятного розового цвета с румянцем по бокам, теперь приобрела мёртвенно-матовый оттенок. Из рта тонкой струйкой вытекала кровь. Тело, огромное и монолитное, даже после сокрушения вызывала справедливую дрожь у окружающих. Было трудно поверить что пышущий здоровьем детина лежит сейчас в таком беспомощном состоянии, трепыхаясь в потоках собственной крови.

Ерунда — прохрипел Бай, выплёвывая сгустки крови — со мной всё нормально!

И умер.

Тем временем скины, распределяясь на отряды, активно зачищали этажи от оставшихся в живых реперов. Основной поток был истреблён, оставалось добить лишь единиц, и самое главное, найти и уничтожить, собственно Пахана. Искать Пахана взялся лично Бешеный. Он отобрал несколько наиболее мощных скинхэдов и двинулся вверх по лестнице, ведущей на второй этаж. Поднялись. По обе стороны межэтажной площадки тянулись два тёмных коридора, свет одинокого фонаря плаксиво освещал голые давно не крашенные стены и белые линиялы канделябры на потолке. Из тёмного коридора слева раздался чей-то крик, видать ребята уже здесь работали. Сразу после этого к ногам скинов вылетели окровавленные широкие штаны с бахромой на поясе. Бешеный хмыкнул. Его команда выжидающе замерла в нерешительности.

— Пойдём дальше. Здесь его нет, носом чую. — решил Бешеный, и поспешил на следующую лестницу.

Подниматься пришлось гораздо дольше. Сильно пахло пережаренным луком и мокрой черепицей. Постоянно раздавались необъяснимые шорохи. Если бы не факелы скинов, разглядеть в кромешной тьме можно было лишь собственные фигуры. На третьем этаже валялся перевернутый писсуар в виде бюста Ленина. Фигура в нескольких местах потрескалась, нос отвалился, а на белёсых вихрах чей-то незатейливый маркер вывел лишённого понимания надпись в виде графити.

— Что это ещё за...? — удивился Бешеный.

Скины не знали что ему ответить и молча стояли чуть поодаль.

— Ладно. Не важно. Прочешите этаж. Выламывайте все двери. Увидите берите живьём, особо не мочите. Он мне нужен живьём, слышали?

Скины понимающе закивали, зло усмехаясь. Через минуту коридоры наполнялись раскатами ударов, треск вывернутого с корнем дерева и досадными криками бритоголовых.

Пахан спокойно отдыхал у себя в кабинете на шестом этаже дворца. Кабинет, хотя его и нельзя было назвать кабинетом в прямом смысле этого слова, представлял из себя малюсенькую комнатку, с крошечными кривыми точно в бане оконцами. На окнах размещались липовые шторы, из насквозь прогнившего туалъденора. Давно не крашенные стены создавали впечатления палаты для умалишённых: свежая побелка перемежалась с застарелыми жёлтыми масляными пятнами и синеватыми узорами, явно воссозданными вручную. Над фальшивым камином одиноко болтался на одном ржавом гвозде портрет Мартина Лютера Кинга. Слева высился старинный платяной шкаф с блестящим позолоченным ключиком в готической замочной скважине. Тут же в стороне была разложена раскладушка и две ветхие табуретки. На первой табуретки восседал сам Пахан, вторую облюбовал помощник — Серёга-Лыжник. Пахан имел внешность легко запоминающуюся по отдельным деталям, но далеко не фотогеничную. Маленький рост, вьющиеся короткие волосы, обрамляли очень уж низкий уровень лба. Светло-серая ветровка приятно сочеталась с голубыми брюками. Лицом мрачное, ярко выраженного коричневого цвета. Жёлтые кривые зубы. Красные глаза, смотрели стремительно беспощадно, одновременно в них читался скрытый ужас и излишняя нервозность владельца. Неизменно голодный взгляд объяснялся тем, что Пахан был по природе вегетарианцем, в следствии чего абсолютно не ел мяса. Нос изрытый морщинами, уголки рта смотрят всегда вниз. Хотя из-за чёрного цвета кожи не всегда удаётся прочесть мимику на лице. Серёга— Лыжник же наоборот. Чёрный, как смоль. В зубах сжимает палочку папиросы, глаза постоянно бегают. Рост низкий, волосы, несмотря на цвет кожи — рыжие.

Сейчас Пахан отдыхал и не хотел думать о чём либо конкретном. В его руках тлела наполовину использованная пипетка с ганжем. Мысль уносилась далеко к берегам Малайзии, возвращалась к Южной Америки и заканчивалась близ Курильских островов. Свободный полёт мысли. Хотелось обнять весь мир, окружить сотни человеческих жизней теплом заботливых рук. Реальность всё сильнее ускользала из сознания Пахана, он синтезировал её, обращая в разноцветную цветовую гамму, льющиеся в едином световом потоке беспредельной реки. И кажется только нащупаешь её глубину, как она выскочит и убегает куда-то в сторону, и ты вновь стремишься познать её суть, но опять всё повторяется и так по кругу.

— Аэээээ, ммммм — промычал Серёга-Лыжник, успевший к тому времени здорово “торкнуться” на ЛСД.

— Чего тебе, брат — тихо спросил Пахан, дабы не спугнуть мягкую, как синица мысль.

— Чувствую, меня немного колбасит! Тут со всех сторон раздаются жуткие вопли, и со всех сторон на меня налетают быки с рожами аллигаторов и крестами на груди! Господи на меня сейчас наедет бетонный каток! ААААА! Сука!

— Успокойся, мы в закрытом помещении — усмехнулся Пахан, закатывая зрачки.

— Бедняга, он ещё не видел этих скотов — подумал про себя Серёга.

Тут размышления двух мыслителей прервало неожиданное происшествие. В комнату как пуля влетел окровавленный репер в порванной одежде и сразу с ходу заорал:

— Спасайтесь, скины атакуют! Они уже здесь! Тебя ищут!

Рефер не отдышавшись, вдруг упал на землю плашмя. Пахан заметил что в его спине был воткнут острый нож. Рукоять торчала из спинных позвонков, подобно вилке в котлете, изображённой на стенах совдеповских столовых.

— Дело дрянь — решил он — в пору сматываться.

Беспокоиться однако совершенно не следовало. Пахан прекрасно знал, что возле окна начинается крутая пожарная лестница, ведущая прямоком на крышу. Поднявшись, сделать определённое количество шагов по черепичному настилу, и нетрудно отыскать вентиляционный люк. А дальше дело за малым! Люк найти немыслимо и в дневное время, а уж про ночь и говорить нечего. Скины его ни за что не сыщут! Добраться до вентиляции и свобода, абсолютная, так сказать, liberty! Правда придётся проползти короткое расстояние по шахте, которая ведёт к канализационному пути. Пройдёшь по трубам легко окажешься на одной из людных улиц нашего города, где легко словить тачку или даже сесть на автобус.

— Бог мой! Неужели я это сказал? Или только Подумал? Говорил ли я? Слышал ли он меня? Он опасно бросил взгляд на своего друга Лыжника, но тот, казалось, не обращал на него ни малейшего внимания.

— Надо смотаться, так чтобы Лыжник не узнал, подумал Пахан — зачем мне лишняя обуза?

Он открыл окно, просунул руку в проём и нащупал стальную прохладу лестницы. Проворно закинул ногу на подоконник. Медленно-медленно, чтобы не оступиться начал карабкаться. Пахан знал, что если посмотрит вниз, то сильно закружится голова. Но он всё же поддался на соблазн и глянул. Увиденное поразило своим размахом. На головокругительном расстоянии бегали маленькие как муравьи, люди. Впрочем людей не было видно, только огоньки факелов как светлячки носились в разных направлениях, хаотично и несобранно. Иногда огоньки собирались в небольшие кучки, а потом быстро разлетались как бильярдные шары по всему периметру площадки. Будто бы внизу гонялась друг за другом целая куча клеточных элементов сияющих собраться в единое целое, но в виду несовместимости разлагающихся на части. Пахан поглядел наверх, в звёздное небо, и обнаружил точную копию, творящегося внизу. Те же огоньки, правда более мелких размеров и недвижимые, но отбросив детали, обнаруживаешь, что ничего существенно различного в устройстве системы не существует. Есть, нечто "единое", , то что нельзя познать, окружить всецело взглядом, войти в суть. Но можно сопоставить между собой сегменты, вывести между ними параллель, и тогда обнаружишь, что целое, то есть не меняющееся, продукт индивидуального сознания. Цепочка, подтвержденная вышему логическому соединению.

— Ничего нет! Нет и не может быть! — подумал Пахан, хотя может быть и не подумал, а снова сказал вслух. Кто знает.

Вдруг его размышления прервал громовой бас за спиной. Пахан было решил что это очередной глюк, но излишняя эмоциональность сказанного плюс жёсткие фонетические ударения вселили кошмар в его душу, а такое обычно не случается в галлюцинации. Пахан чуть было не оступился но вовремя удержался за стальной штырь, торчащий из стены.

— Вот те бабка и Юрьев день!!! — раскатисто утвердил голос.

Пахан с трудом повернул шею вниз. Поначалу ничего конкретного не увидел кроме блуждающих в ночи огоньков, да тревожных тёмных контуров деревьев, но приглядевшись неожиданно заметил громадную белую лошадь, со сверкающей металлической сбруёй на шее. На коне восседал странник в кольчуге. Лица не было видно. Над шлемом ощущалось некое движение, "перо" — догадался Пахан. С большим трудом он признал во всаднике Диму Витязя и страх сразу отлёг от сердца.

— А, Витязь! — раздражённо буркнул Пахан — скачи себе, не мешай -, и посмеиваясь про себя, полез дальше.

Стой! — голос становился всё более грозным и уже будто бы звучал возле самого уха(скорее всего действие эфира сказывается на организм. Расстояния, при применении этого средства, совершенно не учитываются. Можно слышать то что твориться на 200 метров, как будто звук у тебя под носом, или наоборот). Пахан ужасно пожалел об недавнем употреблении этой гадости.

Витязь, не бери грех на душу — прошептал Пахан и вдруг осознал что Дима его голос не слышит и не может слышать, уж больно велик интервал между ними, чтобы уловить тихий шёпот. Страх сковал его конечности, он в первый раз ощутил кошмарное волнение, так что холодный пот ливанул градом, капая обильными каплями на ресницы.

Пахан затрепыхался и лихорадочно, нащупав перекладину, полез дальше. Дыхание участилось. В голове засела одна мысль, поскорее добраться до верху. С безумной скоростью колотилось сердце.

— На самом деле нет никакого Витязя. Просто глюки, чёрт возьми! Но почему такие реалистичные?! Чёрт!

Пахан казалось всецело слился со стальной пожарной лестницей. Ужаснее всего было, что чем быстрее он старался лезть, тем медленнее и скованнее становились движения. В конечном итоге, сложилось ощущение, будто он стоит на одном месте, с черепашьим шагом, пытаясь прорваться. И вдруг случилось непоправимое. Раздался бешеный свист. Резко заложило уши, парализовало нижние конечности. Одновременно со всем этим, Пахан почувствовал острый укол пониже спины.

— Стрела! — выдавил затухающий рассудок.

Острейший наконечник вонзился в левую ягодицу, выбросив кошмарные импульсы по всему теле. Боль, язвительным потокам пробиралась к мозгу, заполняя каждый участок организма, вроде чумной болезни. Что-то горячее рвалось изнутри, медленно сжигая само себя. Ощущение холода, резко перешло в тяжёлую усталость. Руки сами собой принялись разжиматься, ноги уже больше не чувствовали опору. Но сейчас это было неважно.

Мысль, очень далёкая и потаённая, может быть забытая когда-то очень давно в раннем детстве, вдруг всколыхнула сознание Пахана. И он силился вспомнить её, забыв о пожарном люке, Витязе, скинах, пытался вспомнить, правда сам не знал что именно. Вполне возможно это ощущение нельзя было назвать мыслью, ибо далёкое, потерянное чувство овладело им и заставляло страдать, хватая руками воздух ушедших в прошлое лугов памяти. Будто Пахан потерял что-то неуловимое и теперь, залез в старый тайник, но не нашёл и ищет, ищет в лабиринтах сознания, но натывается на пустоту, окружившую его со всех сторон. Оно не существовало в реальности, но тем не менее являлось его частью, его сутью, базисом персонального бытия. И оно было так легко выброшено в водоём времени. Осталась только безмерная тоска, боль утраты, гнетущее ощущение заброшенности.

Пахан летел с шестого этажа. Он не кричал, не размахивал руками, не плакал, только тихо про себя напевал давно забытую песню Бори Гребенщикова, гнусавым голоском. Его взор был направлен внутрь себя, а тем временем мимо мелькали единым водоворотом сверкающие звёзды, как будто сочные кометы стремительно режущие на части вечерний небосвод в, по домашнему теплые сентябрьские ночи. Так приятно стоять в одиночку на деревянной дачной мансарде, закутавшись в тёплый волосатый свитер, прильнуть восходящим взглядом к чёрному, как смоль небу, испещрённому мириадами пылающих точек. Иногда в гуще звезд мелькнёт и тотчас погаснет, очертя небосклон идущая в свой последний путь комета. И ты загадываешь желание, может последнее желание в своей жизни. А воздух так беспредельно влажен, так невероятно пропитан шелестами надвигающейся ночи. Запах мокрой листвы, земляного настила ударяет в нос с большой назойливостью, но ты ждёшь этого и с удовольствием вдыхаешь, и сердце щемит от неизвестной тоски. Ветер приносит обрывки слов, новые запахи с плодородных полей, вкус увядающей природы. Вокруг ни души, ничто не потревожит тёплую осеннюю ночь, растекающуюся на миллиарды километров. Но самое приятное то, что позади тебя ждёт тепло и мирный уют домашнего очага: ровный чуть желтоватый свет от керосиновой лампы, горячий чай с привкусом мятного валенка. И так сразу приятно и хорошо становится на душе, что жизнь обретает смысл, хотя и есть ничто более как никчёмное бытие! Такой момент один из единственных, когда живёшь всем телом, а не омерзительными ассоциациями, генерируемыми иллюзорной мозговой оболочкой.

Пахан долетел. Он не ощутил боли, приземлившись на асфальтированную площадку, только глухой, беззвучный удар сотряс каждый член его непослушного тела, да и окружающие звуки стали тише, будто кто-то уменьшил саунд дистанционным пультом управления. Однако, Пахан краем уха услышал возглас, правда, очень тихий:

— Вот он! Хватайте, не дайте убежать! Сейчас повеселимся!

Страх вновь пробудился в разорванном теле, но быстро отступил, умчавшись в невидимые туннели. Сегмент реальности в котором Пахан находился, вдруг стал проворно уменьшаться, и вскоре очень трудно было фокусировать взгляд на отдельных элементах этого сущего. Остался маленький глазок, через который погибающий мозг немного подглядывал за происходящим. Мир вдруг будто ужасся, превратился в искусственную бутафорию, никому не нужную материю, управляемую чей-то невидимой волей.

Пахан совершенно безучастно смотрел на громадный тяжёлый ботинок, медленно, как в замедленной съёмке, приближающейся к его лицу, точнее к “глазку наблюдения”, ведь он уже не был полноценной личностью, не ощущал полным телом. Всё ближе и ближе. Уже можно было разглядеть потёртый от ударов носок с металлической чашей внутри, пятна крови на подошве. Ботинок притормозил, на несколько секунд замер в воздухе. Пара кадров явно была пропущена. Следующим кадром была огромная, на весь экран, подошва грина. На ней отлично смотрелся узор в виде группы крестиков и планок, кое где в прожилках застряли остатки человеческого мяса.

— Camelot — прочитал Пахан.

Подошва приближалась, становясь всё более размытее. С начало пропал узор, скрывшись за туманной пеленой ослепления, потом и сама резина, с антикислотной базой, обратилась в беспорядочное количество квадратов — пикселизации. Так бывает в старых 3D-шутерах, а-ля DOOM-2. Подходишь к стенке, а она расплзается на сотни разноцветных кубиков, и ничего не видно. Или, увеличиваешь фотографию в Photoshop, и тот же результат.

— Значит, если нельзя рассмотреть мир изнутри, узреть его суть, даже увеличивая натолкнуться на хаотичное движение атомных частиц в пустоте, то материи не существует! Есть примитив, нечто более. Форм не существует, даже понятие “форма” весьма абстрактное состояние материи. Всё вокруг примитив! Великая иллюзия!

Между тем, квадратики пропали, уступив место багряному ярко-красному цвету, заполнившему весь спектр зрения. Точно закрываешь глаза, глядя на яркое солнце или на яркую лампу. Только цвет был не добрым, согревающим, а жёстким, даже каким-то неуверенным, рвущим сущность на куски... Как гром среди ясного неба возникла боль, теперь у неё было имя и даже материальная основа. Grimаса ярости, огня и страха прыгала в небольшом уголке рушившегося на глазах бытия и жрала останки разума, идей, веры. Нужно было срочно сматываться во избежание болезненного статуса возвращения.

ПАХАН ПРОСНУЛСЯ!

ЧАСТЬ 2. ПРОБУЖДЕНИЕ...

Пахан проснулся. Прямо ему в глаза светило мёртвенным блеском фальшивое мёртвое солнышко через давно немытое стекло. Пахло мокрыми обоями или ещё чем-то противным. В небольшой комнатухе царил жуткий беспорядок, грязные носки висели на стареньком шкафчике, на потрескавшемся столе лежал старый женский бюстгальтер. Больше мебели в комнате не оказалось. Голова ужасно раскалывалась, было такое впечатление что во рту переспала сотня клопов. Пахан продрал глаза, приподнялся и обнаружил что как был в камуфлированных брюках и тяжёлых высоких ботинках, так и спал. Вчерашний день припоминался невероятно туго.

— Вроде бы мы хачей грохнули где-то... Только где? Кажется в Черняге или на Ленина. Эхх. Надо же было так нажраться. — молнией пронеслось у него в голове. Но сейчас вспоминать ничего не хотелось. Он положил голову на подушку и сделал попытку закрыть глаза. Внезапно в поле зрения оказалась початая бутылка пива на столе. Пахан снова привстал, поднял бутылку и попробовал было открыть её зубами. Вдруг услышал какие-то приближающиеся голоса из прихожей. Уловил лишь бессвязные обрывки:

— Да, я тебе говорю, сука бля, реальный кент, скоко раз с ним бок о бок ебашились ни разу не подводил!!... ща сам увидишь!!

Голоса всё приближались и наконец в комнату ввалился грубиян Джон, как всегда бритый налысо и в своё любимом бомбере зелёного камуфляжного цвета. Женя, приземистого роста, полноватый, лицо покрыто шрамами. Нос в нескольких местах сломан, отчего издали напоминает малосольный огурец. Его сопровождал незнакомый скинхэд с чётко, как на монете высеченными чертами лица и атлетической фигурой.

— Лежим, да? — неожиданно нервно протрещал Джон, и в друг пнул со всей дури Пахана по ноге — Вставай, блять! Через 10 минут акцию мутим, а этот лежит! Одевайся, выпей кофе! Бля, ну что за морда, что за морда? Образец неонацев называется! Сиониты бля! Да ты с такой рожей не один клоун не шуганётся!

Джон забежал по комнате. Второй скин остался стоять на месте, пристально оглядывая Пахана с ног до головы.

— Бля, мне нужно принять ванну, выпить чашечку кофе — пьяным голосом, растягивая слова, проговорил Пахан.

— Какава тебе вместо кофе! Вставай!

Джон снова пнул Пахана по ноге.

— Больно же, блять!! — не выдержал он.

— Вставай пьяница! Кстати я вас не познакомил! Это Серёга Лыжник член “Фронта Национального Освобождения” —, а это просто член, по имени Пахан.

— Ну как тебе? — обернулся он к Лыжнику.

— Ну — неопределённо ответил тот — какой-то весь слишком вялый.

— Какой вялый, какой вялый?! — взвился Джон — охуел что ли вялый!! Ты его бля в драке не видел! Агрессор! Мощь! Бля буду!

Лыжник ничего не ответил, только лишь озадачено пожал плечами.

Джон подбежал к Пахану и зашептал ему на ухо:

— Слушай, я тебя тут зарекомендовал, если повезёт этот хрен возьмёт тебя в свою организацию! Не подведи только в сегодняшней драке.

— Какой драке? — удивился Пахан

— Мы же вчера говорили, сучий кот!! Вчера говорили! — вновь взъерепенился Женя — пидаров идём ломать! Этот пидараз Юра совсем обнаглел, наших ребят по кругу пустил. Спартача вот недавно поимел, блять!

Лыжник во время разговора деликатно отошёл к окну, но вдруг вернулся:

— Послушайте, у меня мало времени...

— Идём, идём — заволновался Женя, голосом гермафродита — Минутку ещё! Одевайся!!! — прикрикнул он на Пахана.

— А мне такой сон сейчас приснился — фамильярно заявил Пахан — будто я Клоун, и вы меня все заколбасили! Гы гы гы!! Смешно да?

Джон ничего не сказав, бросил на Пахана уничтожающий взгляд, а Лыжник лишь тяжело вздохнул.

— И ещё — продолжал Пахан — не кажется ли вам, что мы поступаем чересчур жёстко по отношению к людям? Никакого прямо гуманизма, только тупая агрессия!

Джон вновь взорвался и обрушил на обриту под ноль голову Пахана блестящую оплеуху....

Уже в коридоре, застёгивая на сверкающий калёной сталью замок, иссиня-чёрный бомбер, Пахан обиженно думал, чем же так провинился. На улице моросил поганый осенний дождь. Выходить на волю было честно говоря противно.

Выбежали на улицу. Джон что-то невнятно тараторил, бешено жестикулируя руками. Быстрыми шагами прошли через двор. В этот момент, осень колыхнула в сознании Пахана давно забытые воспоминания. Жёлтые листья под ногами приятно шуршали, навевая мечты и новые идеи. Пахло влажным асфальтом и землёй. Серые дворы неприятно десгормонировали с внутренним миром Пахана, который в этот момент был склонен лежать где-нибудь дома и прокачивать сквозь клетки головного мозга всё новые и новые мысли, наслаждаясь освежающим прохладным осенним ветерком из открытой форточкой и уголком свинцового неба.

Подошли к невзрачному подъезду обветшалой хрущёвки. Простенькая деревянная дверь судорожно покачивалась от порывов злого холодного ветра. Пахан поёжился, кутаясь в бомбер. Пробирало до мозга костей. Опрокидывать кого бы то ни было сейчас совершенно не хотелось.

— Бей сразу! Не тормози! Смотри, блин, у меня! — недружелюбно прикрикнул Джон, противно щурясь в зрачки Пахана.

— Да, ладно! — огрызнулся тот, нервно одевая кастет на правую перчатку!

— Ну! С Богом! ЕСЛИ ПЕРУН С НАМИ, ТО КТО ПРОТИВ НАС!

Мгновенно сгруппировавшись, скинхэды резкими уверенными шагами ринулись в тёмную глотку подъезда, шумно стуча grindерами, и отточенными манипуляциями выхватывая на ходу тяжёлую арматуру.

Любое совпадение с характерами, лицами и событиями случайно.